

Феномен зла у Соловьева и Бердяева: онтология и пути преодоления

Дмитрий Певницкий (Образовательная программа «Философия»)

Аннотация

В данной статье рассматриваются взгляды двух ключевых русских религиозных философов на тему происхождения и преодоления зла. Пути Николая Бердяева и Владимира Соловьева в рамках решения проблемы зла разделяет разное использование понятийного аппарата, по-разному расставленные акценты, однако они имеют точки пересечения – оба философа пытаются построить модель религиозного нарратива, в которой зло и объясняется, и впоследствии преодолевается; более того, в определенный момент можно наблюдать, как их взгляды здесь переплетаются так тесно, что производят определенный синтез, единую систему логических шагов и выводов. Задача статьи заключается в том, чтобы подробно проследить за мыслительными маршрутами Бердяева и Соловьева, сравнить их философские стратегии, выявить связи между их воззрениями и решениями относительно проблемы зла.

Ключевые слова: Бердяев, Соловьев, проблема зла, свобода, Царство Божие, воскресение, Христос.

Проблема зла оказывается для Соловьева ключевой темой всего творчества, его воззрения в связи с ней динамичны и непостоянны, эсхатологические мотивы его философии то находятся в русле торжества добра, то трансформируются в совершенно мрачные и упаднические. Однако если убрать за скобки периодические пессимистические порывы духа, преимущественно проявляющие себя в конце его жизни, то можно говорить об определенной системе, созданной Соловьевым в лоне настоящей проблематики, хотя было бы несправедливо называть его

философию системной; с точки зрения методологии Соловьев ориентирован несколько иначе. Основные положения этой «системы» мы можем наблюдать в двух важнейших его работах: «Чтения о богочеловечестве»¹ и «Оправдание добра»². Онтология зла и его преодоление у Соловьева – многоуровневая, сложноподчиненная схема, для восприятия и усвоения которой необходимо серьезное интеллектуальное усилие. Его философия комплексна, но не схематична; поэтична, но конкретна. Соловьев не приемлет чистый рационализм, называя разум лишь средством, но не содержанием познания и находясь в уверенности в том, что всякая философская мысль обязана быть синтетичной: «И социализм, и позитивизм, если последовательно развивать их принципы, приводят к требованию религиозного начала в жизни и знании»³.

В «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев формулирует онтологию зла. Он считает, что «Первоначальное происхождение зла может иметь место лишь в области вечного доприродного мира»⁴. Таким источником ему видится Мировая душа, которая заключает в себе начало разобщения между Богом и человеком. Для восстановления божественного всеединства требуется сила истинной любви. Здесь возникает проблемная, едва ли не тупиковая ситуация.

Для самоопределения истинной любви необходима свобода. Свобода же всегда своим появлением допускает появление зла. В свободе происходит ожесточенная борьба: с одной стороны, через нее формируется сила любви, ведущая к божественной идее, с другой – свобода божественной идее активно препятствует. Она переходит в своеволие, усугубляя ситуацию разобщенности Бога и человека, приводит к эгоизму. Весь пафос жизненного процесса оказывается заключен в этой непримиримой битве самоотрицания и эгоизма – двух противоположных начал, проистекающих из свободы.

Эгоизм, в свою очередь, делает зло общим свойством природы, которая в пассивном своем бытии морально индифферентна: «Это – то ненормальное отношение ко всему, это исключительное самоутверждение или эгоизм, всемогущий в практической жизни, хотя бы и отвергаемый в теории, это противопоставление себя всем другим и практическое отрицание

¹ См.: Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. М.: Академический проект, 2011. 293 с.

² См.: Соловьев В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.

³ См.: Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве М.: Академический проект, 2011. С. 17.

⁴ См.: Там же. С. 147.

этих других – и является коренным злом нашей природы, и так как оно свойственно всему живущему, так как всякое существо в природе, всякий зверь, всякое насекомое и всякая былинка в своем собственном бытии отделяет себя ото всего другого, стремится быть всем для себя, поглощая или отталкивая другое (откуда и происходит внешнее, вещественное бытие), то, следовательно, зло есть общее свойство всей природы»⁵; следовательно, мы уже рождаемся во зле.

Хотя и в «Чтениях о Богочеловечестве» возникают некоторые предпосылки к попытке преодоления зла, наиболее полно эта проблема раскрывается Соловьевым в одном из его поздних трудов – в «Оправдании добра». При внимательном прочтении данного текста можно обнаружить план, предлагаемый Соловьевым для достижения добра, то есть, во всеобщем смысле, нравственного порядка, то есть Царства Божия. Выбор добра, хоть и кажется интуитивно единственно верным и является логически необходимым, на деле сталкивается с серьезными препятствиями. Соловьев выделяет «Разумное требование долга и природное требование благополучия – 1) все люди должны быть добродетельны и 2) все люди хотят быть счастливыми»⁶ – добро в качестве максимы не может достичь всеобщности, так как выделенные требования друг с другом не связаны, а потому часто противоречат друг другу; природное стремление к счастью может спровоцировать человека на своеволие и осуществление зла. Соловьев провозглашает добро смыслом жизни, считает, что добро должно стать всеобъемлющим, то есть приобрести недостающую ему всеобщность, а потому уделяет огромное внимание его феномену. Он ставит задачу не проповедовать и единичным образом склонять индивидов к добру – он амбициозно рассчитывает подействовать общему, решительному, решающему и сознательному выбору человечества в пользу добра, считая это первоочередной задачей не только своей, но и практической философии вообще.

Итак, Соловьев выделяет три модуса добра: 1) потенциальное добро, находящееся в виде идеи в человеке; 2) актуальное добро, которое выражает себя в процессе совершенствования, то есть на пути от несовершенного мира к всеблагому Царству Божию; 3) добро безусловное сущее – в Боге. Добро начинает движение с потенциального состояния, с человека, актуализироваться через которого ему помогают заложенные в нем первоосновы нравственности. Этими первоосновами Соловьев называет стыд, отличающий человека от

⁵ См.: Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве М.: Академический проект, 2011. С. 143.

⁶ См.: Соловьев В.С. Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 247.

животного, жалость, обнаруживающая способность человека к солидаризации с ему подобными и благоговение – чувство, проистекающее из веры в Бога и, как следствие, из поклонения ему.

Добро у Соловьева детерминировано – он считает, что свобода воли не проявляется при нравственном выборе, а возникает по определению только в деструктивном положении, предполагая лишь выбор пути отвержения нравственного: «Добро определяет мой выбор в свою пользу всю бесконечностью своего положительного содержания и бытия, следовательно, этот выбор бесконечно определен, необходимость его была абсолютная и произвола в нем – никакого; напротив, при выборе зла нет никакого определяющего основания, никакой необходимости, и, следовательно, бесконечный произвол»⁷. При этом, чтобы исполнить, осуществить путь добра, необходимо осознать понятие добра, преисполниться им в самостоятельном, непринудительном мыслительном акте. Иначе следование добру становится немотивированным и механичным, добро в таком случае перестает им быть. На примере Авраама Соловьев иллюстрирует недостаточность благой интенции, глубокого нравственного устремления без осознания идеи добра. Авраам решает убить сына, совершить поступок, не имеющий под собой никакого благого основания, буквально воспринимая регулятивную максиму божественного повеления, не имея при этом должного представления о добре. Тогда как Кьеркегор посвящает этой библейской истории программную для себя философскую работу «Страх и трепет»⁸, возвеличивая христианскую праведность Авраама, Соловьев видит в ней плачевный пример пагубного автоматизма при попытке совершения предполагаемого доброго поступка.

Сформулировать план преодоления зла представляется задачей весьма трудной, так как элементы, из которых оно состоит, не предлагаются Соловьевым линейно, а оказываются разбросанными по разным фрагментам текста. Здесь важную роль начинает играть концепция Богочеловечества; Соловьев видит явление Христа важным атрибутом, маркером для активного преобразования несовершенного мира до состояния нравственного порядка: «Действительное основание совершенного нравственного порядка есть универсальность духа Христова, способного все обнять и переродить. Значит, сущность дела для человечества в том,

⁷ См.: Соловьев В.С. *Оправдание добра* / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 120.

⁸ См.: Кьеркегор С. *Страх и трепет* / пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. 5-е изд. М.: Академический проект, 2018. 154 с.

чтобы, приняв Христа, в Его Духе отнестись ко всему и чрез это дать возможность Его Духу воплотиться во всем»⁹. Христос преодолевает смерть, то есть величайшее, могущественнейшее из зол, тем самым открывая и показывая человечеству Царство Божие. Таким образом, в «Оправдании добра» прослеживается следующая траектория движения:

1) Несовершенный, разобщенный мир, лежащий во зле, в котором мы находимся – исходная величина, требующая активного преобразования;

2) Первоосновы нравственности как возбудитель совершенствования; пришествие Христа как историческая точка отсчета для совершенствования;

3) Осознание человечеством добра, самостоятельный его выбор;

4) Всеобщее, центростремительное движение к всеединству, подпитываемое силой любви;

5) Универсальное откровение Христа как достижение действительного воскресения; нахождение искомой величины: преодоление зла, торжество добра, провозглашение всеединства и нравственного порядка. В этом финальном пункте мы находимся в Царстве Божием.

Таковы основные положения онтологии зла и проблемы его преодоления в философии Соловьева. Его воззрения в этой области оказываются невероятно обширными и масштабными, образуют сложную структуру из множества элементов. В конце своей жизни Соловьев отчетливо ощущает воздействие зла на бытие и, в определенной мере разуверивается в собственных идеалах, перестает возлагать надежды на идею Богочеловечества в той же мере, что и прежде. В одном из писем он заявляет о том, что чувствует приближение антихриста и мирового конца: «Наступающий конец мира веет мне в лицо каким – то явственным, хотя неуловимым дуновением»¹⁰. Особенно явно наблюдаются его душевные терзания в работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории»¹¹, где, хоть и текст завершается падением антихриста, особенно явно заметно течение его кризиса, он прослеживается буквально постранично.

⁹ См.: *Соловьев В.С.* Оправдание добра / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. С. 319.

¹⁰ См.: *Соловьев В.С.* // Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 1-4 / под ред. и с предисл. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908-1923. Т. 1. 1908. С. 232.

¹¹ См.: *Соловьев В.С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // Соловьев В.С. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 635-762.

Соловьев не боится в своих работах полемизировать даже с самыми авторитетными мыслителями и учениями. Даже начало его творческого пути знаменуется громкой диссертацией¹², бросающей вызов популярным западным тенденциям. В вопросе же зла он вступает на страницах своих текстов в полемику с Кантом, сторонниками классической теодицеи, местами даже с самой христианской доктриной. Благодаря динамичности, остроте и смелости своего мышления Соловьев, безусловно, становится самым влиятельным русским философом, формируя взгляды современников и последователей, и Бердяев, о котором речь следует далее, проникается его идеями особенно остро.

Философия Бердяева невероятно поэтична, он философ духа, философ искрометного чувства. Находясь в постоянной рефлексии, оценивая себя и мир вокруг себя, он цепляется за возникающие идеи, порой посещающие его как откровения, делясь ими, как пророк. В его философии нет системы, но есть четкий нарратив; она глубоко персоналистична и отражает опыт его внутренних переживаний. Бердяев не стесняется отдавать дань уважения другим мыслителям, солидаризироваться с их идеями. Так, большая часть его философии пропитана экзистенциальным духом творчества Достоевского. В связи с проблемой зла Бердяев отчетливо движется в том же направлении, что и Соловьев, периодически выступая в данном вопросе в качестве его ученика, комментирующего его работы. Соловьев в своих работах настолько полно и подробно формулирует онтологию зла и справляется с его преодолением, что у Бердяева остается минимальное пространство для маневра, если он решает работать в парадигме своего соратника. Тем не менее он изящно пользуется этим пространством в целом, при этом не выпадая из той системы координат, которую до него выстраивает Соловьев, хотя и местами предлагая собственное видение на некоторые аспекты проблематики. Кроме того, идеи Бердяева, присовокупленные к системе Соловьева оригинальны и в той же мере, что и идеи самого Соловьева, размашисты и масштабны. Синтез их взглядов видится фундаментально монолитным, ни одного из них нельзя обделить пристальным вниманием, их сочинения нуждаются друг в друге.

¹² См.: *Соловьев В.С. Кризис западной философии // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 3-138.*

Проблему зла Бердяев эксплицирует в работах «Философия свободы»¹³, «Философия свободного духа»¹⁴ и «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого»¹⁵, в которых достаточно часто дублирует свои идеи. В связи с этим, мы можем не разбирать каждый труд по отдельности, а сослаться на более выразительные формулировки, не теряя при этом в качестве. Определить границы зла для Бердяева важно, поскольку он считает, что для того, чтобы активно злу противодействовать, «нужно видеть зло, обличить его»¹⁶. Связывая, как и Соловьев, появление зла в тварном мире с эгоизмом, предельным самоутверждением, сам первоисточник зла Бердяев видит в небытийственной, добытийственной иррациональной свободе. Таким образом, формируется Бердяевская теодицея: Бог создает бытие, но не создает зла. То, что зла нет в бытии, не означает, что нет зла как такового, это значит, что есть небытие. Бердяев пишет: «Нужно допустить существование несотворенной свободы, предшествующей бытию, погруженной в иррациональную и меоническую сферу, то, что Бёме называет Ungrund»¹⁷. Там, в духовной сфере через Ungrund совершается первичный акт зла, после перемещаясь по нисходящей в тварный мир.

Бердяев – философ свободы, апологет свободы духа: «Все достоинство творения, все совершенство его по идее Творца – в присущей ему свободе. Свобода есть основной внутренний признак каждого существа, сотворенного по образу и подобию Божьему; в этом признаке заключено абсолютное совершенство плана творения»¹⁸. Свобода как источник зла приводит нас к определенным антиномиям. Во – первых, зло, казалось бы, препятствует Богу, пытается запятнать его величие, его идею, но при этом является доказательством его бытия: если зло существует, значит, наш мир не является единственным и окончательным. Во – вторых, зло не может быть оправдано, оно не имеет в себе положительного содержания и должно быть уничтожено. Однако зло также оказывается источником добра в процессе испытания злом, преодоления его. Более того, без зла добро как количественно – качественная

¹³ См.: Бердяев Н.А. Философия свободы / Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. 732 с.

¹⁴ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.

¹⁵ См.: Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. 623 с.

¹⁶ См.: Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 125.

¹⁷ См.: Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. С. 114.

¹⁸ См.: Бердяев Н.А. Философия свободы / Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. С. 151.

величина застывает в статичном положении, большее же добро возникает через зло: «Зло оказывается двигателем и возбудителем мировой жизни. Без зла осталось бы на веки веков первобытное райское состояние первого Адама, в котором не были бы раскрыты все возможности бытия, и не явился бы новый Адам, не была бы раскрыта высшая свобода и любовь. Добро, победившее зло, есть добро большее, чем то, которое существовало до явления зла»¹⁹. Последняя антиномия Бердяеву видится особенно опасной, преодолеть ее необходимо через духовный опыт, через осознание, то самое обличение зла. Человек должен понять, что соблазны зла иллюзорны и преходящи, «Соблазны зла всегда кончаются пустотой, смертью, скукой небытия»²⁰, зло есть небытие, а небытие «Есть предел скуки, пустоты, бессилия»²¹.

Добро и зло у Бердяева являются понятиями динамическими, при определенных обстоятельствах трансформирующимися друг в друга. Тогда как зло выступает в качестве этапа борьбы, становления добра, само добро превращается в зло, если бороться со злом неверными методами. Борьба со злом должна протекать в виде истребления зла в себе, производства большего количества добра. Пагубно мнение о том, что помимо себя нужно истреблять зло в ком – то другом. Попытка уничтожения зла в других обычно сопряжена с силовыми методами и со злом – так мировое зло не уменьшается, а, наоборот, увеличивается в объемах. В этом смысле Бердяев в какой – то мере созвучен с Толстым, он даже пишет статью в пользу его позиции²² в полемике с Ильиным и его «О сопротивлении злу силою». Не стоит даже сопротивляться величайшему злу – смерти, только так можно будет его победить: «Но вольно, без бунта принимая смерть как неизбежное последствие греха, я духовно побеждаю ее»²³. Зло можно преодолеть лишь изнутри, буквально пережив его. Христос доказывает это собственным примером, переживает смерть, умирает, а позже воскресает, то есть преодолевает ее.

Именно во всеобщем действительном воскресении Бердяев видит точку, в которой зло оказывается повержено. Для достижения этой точки человечество должно использовать опыт Христа как ориентир и увеличивать размеры добра, экспоненциально разрастаясь силой

¹⁹ См.: *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 127.

²⁰ См.: Там же. С. 119.

²¹ См.: *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. С. 184.

²² См.: *Бердяев Н.А.* Кошмар злого добра (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою») // *Путь*. 1926. № 4. С. 103-116.

²³ См.: *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 129.

любви; две эти величины должны инициировать взаимное движение, создать своего рода вечный двигатель. В этом и заключается смысл философии Бердяева, так выглядит его обоснование онтологии зла и проблемы его преодоления.

Взгляды Соловьева и Бердяева на проблему зла достаточно близки друг к другу, но далеко не идентичны. Их философия вообще идейна похожа, но стилистически все же находится в разных плоскостях. Тем интереснее создавать некий синтез их взглядов, что представляется возможным, разумеется, не в смысле полного охвата творчества обоих, а в данной конкретной сфере, то есть в связи с проблемой зла. Наиболее удачным для создания этого синтеза видится незамысловатый способ перечисления сходств и различий во взглядах на предмет нашего исследования.

Разную роль играет у мыслителей концепция Мировой души. У Соловьева она выступает источником разобщения между Богом и человеком, у Бердяева она самостоятельно отделяется от Бога. В Мировой душе Соловьев видит добытийственную основу зла, для Бердяева такой основой выступает *Ungrund*. Свободу Соловьев считает допущением, необходимым для проявления истинной любви, Бердяев же – величайшим достоинством творения. Видя один и тот же смысл в пришествии Христа, философы по разному его формулируют: согласно Соловьеву, Христос приходит, чтобы показать человечеству Царство Божие, согласно Бердяеву, Христос приходит, потому что человеческий мир погружен во зло. Разными путями они подходят к определению феноменов добра и зла: если Соловьев очерчивает границы зла, раскрывая его через добро, больше внимания уделяет добру, то Бердяев, наоборот, демонстрирует движение к добру сквозь зло, сосредотачиваясь на обличении зла, а не на нахождении его начал.

Сходства все же превалируют над различиями. В своих текстах оба философа полемируют с одними и теми же взглядами. Так, обоими строится собственная теодицея и опровергается классическое ее понимание, опровергается классическая концепция первородного греха, выражается частичное несогласие с Кантом, который при этом выступает для обоих в качестве авторитета и ориентира, отдается дань уважения Шеллингу. Зло, абсолютный предел которого представляется Соловьеву и Бердяеву в виде смерти, возникает у них в результате ступенчатого движения по трехчастной структуре, элементами которой выступают некая добытийственная, небытийственная сущность, свобода и эгоизм. Добро же для обоих становится таковым не по принуждению, не по необходимости, а лишь в результате

самостоятельного выбора. Философия Соловьева и Бердяева эсхатологична, им важно определить смысл истории, проследить за ее диалектикой, за историческим процессом. Решение проблем в их сочинениях не моментально, оно растекается по всему историческому процессу. Одинаково они смотрят на исходный и конечный пункт исторического процесса: начинается он сейчас, в той точке, где мир несовершенен и полон зла, а заканчивается в результате совершенствования и преодоления зла во всеобщем воскресении, выраженном во всеединстве Божиего Царства. Двигателями совершенствования, стремления к Царству Божию становятся любовь и вера, а ключевую роль играет фигура Иисуса Христа.

Резюмировать природу связи воззрений двух философов на тему зла можно яркой поэтической цитатой Бердяева из «Философии свободного духа»: «Преображение нашей природы и воскресение к вечной жизни, жизни в Боге, есть последний предел устремления воли к добру, к истине, к красоте. Преображение жизни мира в вечную жизнь есть последняя цель. Путь к ней лежит через вольное принятие смерти, через крест, через страдание. Христос распят над темной бездной, в которой бытие смешано с небытием. И свет, идущий от распятия, – есть молния во тьме. От света этого идет просветление всей тьмы бытия, победа над тьмой небытия»²⁴.

Библиография

- Бердяев Н.А.* Кошмар злого добра (О книге И. Ильина «О сопротивлении злу силою») // Путь. 1926. № 4. С. 103-116.
- Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. 480 с.
- Бердяев Н.А.* Философия свободы / Сост., вступ. ст. и коммент. В.В. Шкоды. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио», 2004. 732 с.
- Кьеркегор С.* Страх и трепет / Пер. с дат. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. 5-е изд. М.: Академический проект, 2018. 154 с.
- Соловьев В.С.* Кризис западной философии // Соловьев В.С. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 3-138.
- Соловьев В.С.* Оправдание добра / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, Алгоритм, 2012. 656 с.

²⁴ См.: *Бердяев Н.А.* Философия свободного духа. М.: Республика, 1994. С. 129.

Феномен зла у Соловьева и Бердяева: онтология и пути преодоления

Соловьев В.С. Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. 1-4 / под ред. и с предисл. Э.Л. Радлова. СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1908-1923. Т. 1. 1908. С. 232.

Соловьев В.С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // *Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1988. С. 635-762.

Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве. М.: Академический проект, 2011. 293 с.

The Phenomenon of Evil by Solovyov and Berdyaev: Ontology and Ways to Overcome

Abstract

The article examines the views of two key Russian religious philosophers on the topic of the origin and the overcoming of evil. The paths of Nikolai Berdyaev and Vladimir Solovyov in the context of solving the problem of evil are divided by different use of the conceptual apparatus, differently placed accents, however, they have points of intersection – both philosophers are trying to build a model of a religious narrative in which evil is both explained and subsequently overcome; moreover, at a certain moment we can observe how their views are intersected here so closely that they produce a synthesis, a single system of logical steps and conclusions. The purpose of the article is to follow in detail the thought paths of Berdyaev and Solovyov, to compare their philosophical strategies, to reveal the connections between their views and solutions regarding the problem of evil.

Key words: Berdyaev, Solovyov, the evil problem, freedom, the Kingdom of Heaven, Resurrection, The Christ